

Татьяна Рубцова

Убивающий взглядом

Часть 1

Глава 1

Коридор был пуст. Молодая женщина села в одно из кресел, что стояли рядами у стен и посадила ребенка себе на колени. Ему исполнилось 4 года, весил он 16 с половиной килограмм, и носить его было уже тяжело. Конечно же он умел ходить, и, слава богу, ходил он нормально, но быстро уставал. Он не плакал, не жаловался, он просто начинал спотыкаться, шаги его замедлялись, и ее сердце не выдерживало.

Устала она ужасно.

И не только физически. Как она устала от всей этой жизни.

Женщина была очень миловидна и молода, в этом году ей исполнилось 25 лет, но нервное напряжение и плохое питание истощили ее. Белокурые с золотом волосы ее свисали на спину, собранные резинкой, брови едва читались на бледном, без косметики, лице, на котором, казалось, навсегда застыло безнадежное ожидание. Она посадила ребенка на сидение рядом, постаравшись

устроить его поудобнее, и прислонила к спинке. Очень спокойный, даже безучастный мальчик застыл в расслабленной позе.

Был июль, стояла жара, и даже в коридоре, лишенном прямых солнечных лучей, ощущалась духота погожего летнего дня. Но ни мать, ни сын, одетые в простую летнюю одежду, не чувствовали этого. Мальчик, в отличие от непоседливых сверстников, сидел смирно, почти дремал, а мать его, оглядевшись по сторонам и вздохнув, приготовилась к долгому ожиданию.

Она держала в руке толстую тетрадь в желтой дерматиновой обложке. Данил Ганичев, 1986 г., — было написано на ней шариковой ручкой. А внизу адрес: Бибирево, дом 17, кв. 7... Это была больничная карта мальчика. Женщина стала листать ее, чтобы скоротать время.

У ее сына была врожденная почечная недостаточность, и его оперировали уже трижды. И два года прошло, как его поставили на учет к невропатологу с диагнозом: детский аутизм. Она регулярно приходила с ним на медосмотры, и это все, что она могла сделать для больного ребенка. Для остального нужны были деньги.

Сидя и терпеливо разбирая каракули врачей при плохом освещении, женщина старалась ничего не думать, а ее сын думать просто не умел.

Но постепенно то, что было написано в

тетради, заинтересовало ее, она все глубже и глубже уходила в чтение.

— Господи, но почему, — вырвалось у нее, — Почему!

— Вы ко мне?

Она подняла глаза. Перед ней стоял врач, молодой мужчина в белом халате и с высоты своего роста смотрел на нее.

— Да. Здравствуйте, — растерялась женщина.

— Здравствуйте. А карту читать не рекомендую. Все равно вы ничего не поймете.

Он протянул руку, и женщина покорно отдала тетрадь.

— Заходите.

Врач говорил резко, почти грубо, и женщина, привыкшая к покорности, подхватила ребенка и последовала за ним на почтительном расстоянии.

— Садитесь.

Медсестры в кабинете не было и врач пододвинул к себе журнал.

— Имя, фамилия.

— Ганичев. Данил.

— А не Даниил?

— В метриках написано: Данил. С одним «И» и без «А».

— Так и говорите.

Сделав запись и отложив ручку, он погрузился в карту.

— Скажите, а это заболевание, оно от наркоза, да? — неуверенно выговорила женщина.

Врач поднял голову и посмотрел на нее, как посмотрел бы на муху, читающую надписи на корешках книг.

— Я так поняла, что от наркоза, — пролепетала женщина, напугавшись своей смелости.

— Ну, если быть точным, то не от наркоза, а от его передозировки. Участок коры, отвечающий за связь индивидуума с реальностью, не проснулся. Теперь вам легче? Только не советую подавать в суд, как сейчас модно. Ни один эксперт не подтвердит вину врача.

— Я и не думала...

Врач отодвинул от себя тетрадь, облокотился о стол и посмотрел на женщину внимательно. Был он высок, смугл и черноволос, как южанин.

— Хотите совет? — сказал он уже другим, задумчивым тоном. — Мой однокурсник сейчас участвует в разработке метода лечения подобного заболевания воздействием на мозг электричеством. Только...

— А это поможет?

— Дайте договорить. Во первых: метод находится еще в стадии разработки и даже еще не ставились опыты на животных. Во вторых: речь идет о врожденных дефектах.

— Мой мальчик родился нормальным?

— Да, — врач почему-то опустил глаза.

— Мне в больнице говорили, что это проявилось только к двум годам. Ну почему, почему, господи, почему! Как будто нам мало было почек, — женщина согнулась над белокурой круглой и тяжелой головой ребенка и прижала его к себе. — И так ему было плохо, а сейчас...

— Так хотите, чтобы я поговорил с ним?

— А это поможет?

— Вот что я вам скажу, мамаша, даже проверенный, проводимый годами метод не гарантирует сто процентов выздоравливаемых, а я вам рассказал лишь об исследовании. Если быть объективным, это только надежда на далекое будущее, понимаете?

— Да, конечно.

Женщина опустила голову, касаясь щекой золотистых волос сына. Лицо ее потемнело, а взгляд застыл, почти что так же бездумно, как у больного аутизмом ребенка. А мальчик не дремал. Он, освоившись, стянул со стола тетрадку в клеенчатом переплете и потащил в рот ее корешок.

— Этого делать не надо, — ровным терпеливым голосом сказал невропатолог, не торопясь, обошел стол и склонился над ребенком. — Дай-ка мне. Вот так, молодец.

Ребенок безропотно отдал тетрадь, поднял

голову и посмотрел на врача ставшими сразу большими и круглыми глазенками, в которых застыл испуг. Он теснее прижался к матери и сделал движение руками закрыть голову.

— Его бьют? — спросил врач.

— Нет, — неуверенно ответила женщина. — Я на него никогда даже не кричу.

Врач покачал головой, вздохнул и сел на крышку стола, сдвинув бумаги.

— Как тебя зовут?

— Данилка, — удивленно ответила за сына мать.

— Нет. Тебя.

— Меня? Лида.

— Ты замужем?

— Да.

— Алкоголик или наркоман?

— Первое.

— И как следствие — врожденная патология почек. Вот тебе мой телефон, позвони завтра после обеда. Я поговорю с Лукиным. Все. Теперь иди, карточка останется у меня.

Лида кивнула, поднялась, привычно сажая на руку ребенка, и мальчик прижался к ее плечу, забыв и о враче и о его кабинете.

Глава 2

Рядом с бессмысленно горящим телевизором стоял стол и посреди него — фотография под стеклом и на подставке: медная рамка ее местами позеленела от времени. Угол самой фотографии пожелтел от попавшей туда воды, но в целом карточка не пострадала.

Изображенные на ней люди могли бы быть счастливы. Но они счастливы не были. Даже тогда. Молодая семья из трех человек: мужа, жены и ребенка, три с половиной года назад позировали соседу по даче, решившему сфотографировать их новеньким «Кодаком». Мужчине тогда было 30 лет, и стоял он небрежно, не улыбался, только жмурился на солнце, и лицо его застыло в легкой гримасе. Одной рукой он держал полугодовалого, очень крупного пухлого сына, зажав его чуть не под мышкой. И тот, свернувшись в клубок, тем не менее улыбался как-то исподлобья, хитро, засунув в рот палец, потому что у него тогда чесались десны. Другой рукой мужчина обнимал за талию свою жену, слегка притягивая ее к себе.

Жене было тогда 22 года. Была она не худая, но очень стройная блондинка с распущенными по спине волосами. Она стояла и улыбалась объективу, стараясь казаться счастливой.

Дура!

Мужчина, постаревший почти что на 4 года, стукнул кулаком по крышке стола, покрытого дешевой скатертью, резко выбросил вперед руку и опрокинул фотографию.

Жена его — дура. Это она испортила ему жизнь, оплетя своей паутиной. Она забрюхатела и этим заставила его жениться на себе. Глупая нищая провинциалка. А ее выродок. Этот недоделанный кошмар на двух кривых ногах. Вечные операции, описанные пеленки и проклятый запах лекарств, въевшийся во всю его квартиру. Его! Но которую он должен был делить с маленькой шлюхой и дебилом, которого она выродила, думая этим его обрадовать.

Мужчина был зол, потому что нуждался в выпивке, но денег у него не было. Он даже не шелохнулся, когда услышал скрип открываемой двери, и голос жены, приглушенный звуком работающего телевизора. Если он сейчас обернется или просто пошевелится, то уже просто не сможет сдерживать раздражения, и эта стерва опять побежит в травпункт снимать экспертизу побоев.

Он не шевелился, когда жена вошла в квартиру и посадила ребенка на стул в прихожей, начав разувать; не шевелился, когда она побежала на кухню; молчал, когда она пыталась разговаривать с ним деланно ласковым голосом.

— Сейчас сбегая за хлебом, и мы доедим

борщ, — сказала она, стараясь казаться веселой.

«Свои помои жри сама со своим недоумком», — подумал мужчина, не поворачивая головы.

Его жена, привыкшая ко всему, усадила ребенка в старое кресло на кухне, повернулась и выбежала из квартиры. И как она забыла, что у них кончился хлеб. Данилка почти что спал и брать его с собой в булочную ей не хотелось: руки ее дрожали от напряжения, поясницу ломило, и ноги едва передвигались от усталости. Но оставив ребенка в квартире с отцом, она оставила с ним кусочек своего сердца. Как она боялась таких минут, как старалась избежать их.

И пробегая за угол, в булочную, и возвращаясь, она страшно спешила. И не напрасно. Уже у самого подъезда, бросив по привычке взгляд на свое окно, женщина похолодела. Данилка сидел на подоконнике у открытого окна и играл ручкой запора. Туда, сюда, щелк, щелк. Губы у ребенка растягивала улыбка.

«Господи».

Как на крыльях женщина взлетела на четвертый этаж. Замок открылся легко, хлопнулась за спиной дверь. Не сбросив уличных шлепок, прямо с хлебом в руке, подскочила она к окну и, схватив ребенка, прижала его к себе.

Почувствовав на затылке пристальный взгляд,

она обернулась. Муж стоял и смотрел на нее. Не мигая и с вызовом засунув руки в карманы старых джинсов.

— Мне было душно, — раздельно сказал он. — Почему я должен задыхаться.

Жена опустила голову, а муж с видом победителя вернулся в комнату, к своему телевизору.

Женщина испуганно застыла. Она была одна, но не была одинока, с ней был ее ребенок, еще более слабый и незащищенный, и от этого ей становилось еще страшнее.

Но жизнь продолжалась. Ребенку пришла пора обедать. Женщина поставила на газ кастрюлю с борщом. Едва дождавшись, когда суп подогреется, она налила в тарелку половник, оставив остальное на огне, потому что муж любил все обжигаяще горячим.

Сев на табуретку и посадив сына рядом, мать начала кормить его и ровным спокойным голосом рассказывать сказку про репку, как советовали ей в Центре для аутичных детей.

— Посадил дедушка репку, выросла репка большая пребольшая, — и так далее, слово за словом, ложка за ложкой, чувствуя, что сейчас ее ребенку хорошо, он счастлив.

Но суп кончился, кончилась сказка. Данилка засыпал на руках матери, как засыпают совсем

маленькие дети. Во рту его, вяло приоткрытом, оставалась еще не дожеванная корочка, а он уже спал крепким сном. Положив ложку в пустую тарелку, мать переложила его так, чтобы он откинулся на спину и осторожно вытащила изо рта остатки еды, при этом покачивая его движением ног. Нежность к больному, никому кроме нее не нужному ребенку, переполнила ее сердце.

В зале продолжал говорить телевизор.

Женщина поднялась, держа сына на руках и положила его в кресло, шагнув после этого к плите и выключив закипающий борщ.

И тут появился муж. Он возник в дверях, высокий красавец блондин, на внешность которого никак не отразились годы запоя, и сердце его жены испуганно забилося. Она бросила испуганный взгляд на ребенка, свернувшегося в кресле, на его отца и торопливо заговорила.

— Садись к столу, Паша, я сейчас налью борща.

Муж ненавидел ее голос, ненавидел, когда она называла его Пашей, он весь мир ненавидел, когда был трезвый. И он знал, на ком можно выместить свою ненависть. Размеренным, неторопливым шагом он подошел к креслу и не говоря ни слова швырнул сонного ребенка на пол. Швырнул небрежно, одним взмахом руки и застыл, наблюдая.

Данилка громко заплакал, спросонок,

закрывая голову обоими руками. Мать бросилась к нему. Ее прорвало.

— Зачем ты так делаешь! Он же твой сын! — поднимая ребенка и прижимая к себе, закричала она, сама чуть не плача.

— Я что, по твоему, дебил? — взорвался муж. — Тощая сука, от кого ты подцепила этого недоумка.

Голос его перекрывал громкий детский плач, он свирепел на глазах и, окончательно потеряв контроль над собой, рванулся к жене. Женщина тяжело метнулась в сторону, стараясь закрыть собой ребенка, муж ее неуклюже зацепился за табуретку, уронив ее себе на ногу. Заматерившись и поворачиваясь, он ударился о газовую плиту, схватился за горячую кастрюлю и, не помня себя в ярости швырнул ее в спину убегавшей из кухни жены. Та даже не замедлила бег, в горячке не почувствовав ожога.

Это еще больше обозлило мужа. Бросившись за ней, он прыжками нагнал ее, схватил за рукав, но не крепко, и женщина, на одном движении рванулась и, перепрыгнув порог, заперла за собой дверь на щеколду.

Ребенок в руках надрывался от плача. На дверь сыпались удары и пинки, предназначавшиеся ей. С силой наваливаясь на дверь и трясясь, она держала на руках Данила, прижимая его к себе. А

дверь содрогалась и дрожала, и дрожь эта передавалась ей, заставляя трястись еще сильнее.

И тут грохот ударов прорезал электрический звонок. Удары стихли, слегка возобновились и стихли совсем. Только звонок звенел, нервно дребезжал и снова звенел, пока не послышался звук открываемой двери и чье-то топтание.

— Эй, мужик, в натуре, ты дашь отдохнуть? — услышала женщина приглушенный голос в прихожей и узнала его. Голос принадлежал соседу, отставному военному.

Муж ее хоть и был с женой храбр, с соседом связываться боялся.

— Ё-моё. Ты слушай, жену учи, но чтобы тихо было, понял?

— Да она достала уже.

— Это твои проблемы. Вокруг тебя тоже люди живут. Усек?

Наступила тишина, тихонько закрылась дверь, снова послышалось топтание, звук плевка и сочный шлепок ладонью по фанерной двери ванной и дальше шаркающие шаги.

Лида измученно опустилась на старый деревянный стул, стоявший между ванной и дверью. Плечи ее затряслись в рыдании. Ребенок, всхлипывая, прижимался к ней.

Это было не первое сидение в темной ванной комнате, и Лида уже имела опыт. Ощупью, одной

рукой, она собрала полотенца, бросила их в ванную, уложила на них ребенка и сняла наконец шлепанцы с усталых ног. Она могла позволить себе расслабиться, зная, что муж больше не будет ломиться в дверь, боясь соседа. Тут только, немного успокоившись, она почувствовала боль от ожога на спине, сняла платье и в первую очередь стала отряхивать волосы от остатков борща. Открыв воду в раковину, она достала с полки шампунь и замерла. Мимо прошаркали шаги мужа, с недавних пор усвоившего расслабленную походку. Шаги не остановились возле двери, а прошлепали по полу дальше, потом замялись. Открылась и захлопнулась дверь.

Тишина.

Не веря, Лида не торопилась выходить из убежища. Не спеша, она вымыла волосы и, не имея больше полотенца, стала трясти ими и встряхивать, чтобы высушить, при этом напряженно прислушиваясь. В квартире стояла мертвая тишина.

Подождав для верности и причесывая все это время волосы расческой, Лида наконец осмелела. Она старалась делать все беззвучно, отодвинула щеколду, приоткрыла дверь и выглянула в коридор.

Никого.

Ступая, как можно тише, Лида прошла в зал.

— Никого.

Заглянула в кухню.

Пусто.

В спальне — тишина и пустота.

Лида медленно опустилась на постель. И вдруг, опомнившись, сорвалась с места, заглянула по пути в коридор и, подскочив к входной двери, заперла замок на предохранитель. Теперь двери нельзя было открыть снаружи даже ключом. Тихонько, так и не включив света, она вернулась в ванную, взяла на руки спящего ребенка и уложила его на свою кровать, к стенке, там, где поверх простыни лежала клеенка, покрытая фланелевой пеленкой.

Наклонившись над ним, Лида осторожно поцеловала его крепкую щеку и не выдержала, упала рядом, лицом в подушки и судорожно разрыдалась, вся содрогаясь и кусая руки, чтобы не расплакаться в голос.

Глава 3

— Раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять, — считала Лида, меряя шагами аллею перед фасадом детской поликлиники и увлекая за собой своего сына. — Вдруг охотник выбегает.

Понимал что-нибудь Данилка или нет, но игра ему нравилась. С серьезным видом он вышагивал рядом с матерью, стараясь, чтобы шаги его совпадали с ее шагами.

— Пиф-паф, ой-ей-ей, умирает зайчик мой. Принесли его домой, оказался он живой, — раздался за спиной насмешливый голос.

Лида повернулась. Парень и девушка, оба с тетрадами, обгоняли, смеясь и передразнивая. В знак дружелюбия они помахали руками и умчались в институт, в училище, в техникум, в счастливую жизнь, а ведь она только немногим старше их. Была ли она когда-нибудь счастливой? Бедная провинциалка, приехавшая в Москву учиться на ткачиху, что она видела от москвичей, кроме унижения? И даже знакомство с красавцем москвичом Павлом Ганичевым не принесло ей счастья. Грубый с первого дня знакомства, он не сказал ей ни одного ласкового слова, а она, привыкшая с детства к подчинению, терпела. Подруги завидовали ей, считая не достойной такого счастья, а он знал, что делает. Жестокий от природы, он просто нашел безвольное беззащитное существо, над которым мог поиздеваться, не боясь отпора. Тогда он уже пил.

— Раз, два, три, четыре, пять...

Данилка перестал вышагивать рядом с матерью, он устал и остановился. Тогда Лида села на скамейку под двумя старыми липами и посадила ребенка к себе на колени.

Они находились в больничном парке с утра, успели съесть по беляшу и бутерброду в буфете,

потому что, боясь возвращения мужа, Лида вышла из дома пораньше.

Она ждала терпеливо, ребенок даже и не ждал. Он жил в своем собственном мире и тихо сидел, прислонившись спиной к маминой груди.

— Дай мне листик, Данила, — сказала Лида, чтобы расшевелить его. — Вот листик. Смотри.

Она протянула руку к веточке и дотронулась до маленького листочка.

Потом она сообразила, что такое ребенку не понять. Тогда она, не вставая, сорвала с дерева маленькую веточку, положила ее на дальний конец скамейки.

— Дай мне палочку, Данила. Вот эту палочку. Дай.

Мальчик понял, потянулся. Лида помогла ему слезть с колен, и он, протопав пару шагов, взял веточку и потянулся к матери.

— Ой, спасибо, сердечко, спасибо, родненький. А теперь положи сюда. Вот сюда положи. Умница, сладенький мой.

Проходившие мимо родители с детьми удивленно смотрели на нее, или совсем не замечали, а Лида была счастлива. Она только два раза была с Данилкой в центре для аутичных детей, и после этого он научился выполнять простейшие просьбы, а дома даже рисовал кружочки и палочки.

Лида ждала, когда кончится в поликлинике

обед, она ни на что не надеялась, а просто сидела на скамейке и забавляла своего сына, выполняя советы воспитательницы из Центра почаще заниматься с аутичным ребенком. В конце концов, надо же было им с сыном где-то сидеть и чем-то заниматься.

И тут она увидела невропатолога.

Он, без халата, в расстегнутом пиджаке, вышел из только что припаркованной машины, старых «Жигулей» и, заперев дверцу, прошел к крыльцу.

— Вот пришел дяденька доктор, пойдем, светик мой, — позвала она, обнимая сына, державшегося за подлокотник скамьи. Она ласково повернула мальчика, взяла в руку его потную ладошку и пошла с ним, не торопясь, к входной двери. Медленно, в ногу, поднялись они на крыльцо, потом пошли по коридору. Возле двери кабинета невропатолога никого не было, но и очередь ничуть бы не огорчила молодую женщину, потому что ее ребенок только что поел, пописал и поэтому им решительно не куда было спешить.

— Здравствуйте, — медленно выговорила она, входя в кабинет и глядя на поднявшего на нее глаза врача. — Мы пришли.

— Очень хорошо, садитесь.

Она поспешно закрыла за собой дверь и прошла к столу. В кабинете по случаю прохладного дня кондиционер был выключен, а огромное, в пол

стены, окно — открыто.

— Ганичев? Я звонил по вашему поводу. Вот вам ваша карта, вот здесь записан адрес, поезжайте. Вас согласились обследовать. Только не потеряйте карту, и после всего, верните мне. Все, можете идти.

— Спасибо...

Но врач уже не смотрел на нее.

Чтобы сэкономить деньги, Лида проехала до центра на автобусе, а оттуда, на метро, пройдя оставшийся путь пешком, с уснувшим ребенком на руках и, измучавшись, наконец, увидела впереди здание с длинным серым забором. На воротах сверкала золотом надпись на черном фоне:

ИНСТИТУТ ДЕФЕКТОЛОГИИ АПН СССР.

— Нам сюда, — из последних сил пробормотала Лида и тяжелым шагом направилась к калитке.

Фасады зданий, смотревших на них, были торжественны и напугали Лиду своей неприступностью. Она так растерялась, что вынуждена была сесть на ближайшую по тротуару скамейку. Она боялась спрашивать у проходивших мимо медиков, боялась подойти к этому мраморному великолепию.

Она сидела и чисто механически качала спящего ребенка, пока к ней не подошла женщина в белом халате.

— Вы кого ждете? У нас делегация, вам нельзя здесь сидеть.

Молча Лида протянула карту с вложенной в ней запиской.

— Хорошо, идемте со мной, — пробежав взглядом записку, сказала женщина. — Только быстро.

Лида послушно встала. Она торопилась изо всех сил, но ей это было нелегко с шестнадцатикилограммовым ребенком на руках. И она стала отставать. Думая только о том, чтобы не упустить из вида женщину в белом халате, она что есть сил спешила за ней, поднималась по вымощенному плитами крыльцу, по застеленному ковровой дорожкой полу, по лестнице с коврами и с лепными перилами. И все равно она сильно отстала.

Женщина ждала ее на втором этаже.

— Быстрее, я же вас предупредила она и так же ровно и быстро пошла прямо по коридору, пахнувшему вовсе не лекарствами и хлоркой, как в любой другой больнице, а чем-то приятным.

— Сюда, входите.

Раскрыв широко дверь, женщина прошла в кабинет, просторный и светлый, но совершенно пустой.

— Денис Илларионович?

Врач выглянул из небольшой двери.

— Да?

— К вам по направлению. И не забудьте, через полчаса, в актовом зале.

— Есть, командор.

— Ну вас.

— Входите, располагайтесь, — скрываясь за дверью, сказал врач.

Лида с интересом посмотрела на удаляющую женщину и только тогда поняла, что последняя фраза адресована была именно ей.

Она прошла к стулу, села, положила ребенка поудобнее и посмотрела на зажатый в руке кошелек с тридцатью рублями, всем ее богатством.

Врач вскоре вышел, одетый в строгий черный костюм и серый галстук, невысокий и рыжеволосый.

— Так, — он порывисто сел на стул за рабочий стол с ничем не захлавленным покрытием. — А, так вы Ганичевы? Хорошо. На обследование согласились?

Лида только кивнула.

Врач посмотрел на часы.

— Осмотреть вас я уже не успею, — он крутанул блестящий шарик на крышке стола, и как по волшебству из самого покрытия выскочил стилизованный под шишку пенал. Достав ручку,

врач начал писать. — Третье здание отсюда — стационар. Отдадите это в приемный покой. Сами можете остаться с ребенком, а завтра все решим. Идите, — и он запоздало спросил. — Возражений нет? Хорошо.

Конечно, хорошо. Ведь она так боится идти домой.

Глава 4

Это была чудесная больница, не похожая на все остальные, голодные и безденежные. Лиду кормили вместе с ее сыном, лекарств никаких не выписывали, только время от времени приглашали их в страшный кабинет, весь в каких-то приборах, сажали мальчика в кресло и надевали на голову странную плетенку от которой тянулись провода.

Так проходили дни, пока, наконец, Лиду не пригласила в кабинет заведующего отделением. Там сидели трое врачей, сам заведующий и еще незнакомый мужчина в одном костюме, без халата, что совершенно напугало Лиду.

Ей велели оставить ребенка в палате, она оставила его, велели сесть и слушать, она подчинилась.

— Болезнь вашего сына неизлечима, вы наверное уже об этом знаете, — начал заведующий, крупный широколицый, без свойственного

толстякам выражения добродушия. — Аутизм в чистом виде — редкость, обычно он проявляется в определенной патологической структуре, обладает при этом качественными особенностями. В вашем случае — отягощен ярко выраженным умственным недоразвитием и задержкой речи.

— Синдром Каппера — это врожденная или раннеприобретенная недостаточность коммуноактивности и группа сходных с ним резидуально органических нарушений. Он даже не пытается говорить? Вот видите. Ваш сын обречен на вечную инвалидность.

Как от удара, Лида обернулась к мужчине, сказавшему это.

— ...Полный распад и постепенная атрофия нервных... ярко выраженный патогенез. Где его электроэнцефалограмма?

Лида повернулась к заговорившему снова заведующему.

— Ваша единственная надежда — метод профессора Мальцева. Вот вам ручка, распишитесь.

Лида по опыту знала, что подписывание официальных бумаг ничего хорошего не предвещает и отдернулась от ручки, как от скорпиона.

— Чего вы теряете? Где вы работаете?

— Ни... нигде.

— Вот видите. Низкий уровень интеллекта...

— Да подписывайте, чего вы ждете? Через год, другой, ваш сын превратится в полного идиота. Хотите на таких посмотреть?

Лида, перепуганная до крайности, только трясла головой.

— Не хотите? Тогда ставьте автограф, вы задерживаете столько людей. Вы мешаете работать. А мы, между прочем...

— Ладно, она и так подпишет. Не бойся, дочка, это же только означает, что ты знаешь о методе и согласна на лечение своего сына.

— Есть еще отец.

— Его подпись не обязательна, хватит и ее. Подписывай, это же только формальность.

Лида продолжала качать головой.

— Тогда сдавай его в интернат. Больше мы ничего не можем для него сделать.

Теперь уже качали головами все присутствующие.

— Выписываем?

— Давать направление в интернат?

— Подготовьте карту. Идите, чего вы ждете, мы и так потратили на вас столько времени, сколько идет научный доклад.

Лида встала, совершенно ошалело попятилась и выскочила за дверь, споткнувшись о порог.

В палате на две койки было тихо и прохладно. На одной из них спал пятилетний мальчик, у

которого была внутрочерепная гематома. Его мать тихонько шила, сидя за столом у окна.

Данилка сидел на второй койке и держал в руках маленькую иранскую машинку-грузовичок. Перевернув ее вверх колесиками, он крутил их тихо и вяло.

— Он пописал в горшок, я его подержала, — сказала женщина, бросив короткий взгляд на Лиду. — пусть играет, у нас этих машинок вон, целая коробка.

Лида не слушала, она смотрела на сына. Тот крутил свои колесики и из приоткрытого рта его текла струйка слюны. И она внезапно увидела его взрослым по виду мужчиной, в такой же расслабленной позе сидящим на грязном полу в незнакомой комнате и крутящим колесики маленькой игрушечной машинки. И слюни лились из взрослого вислогубого рта. Увидела она это так ясно и живо, что сердце ее остановилось и к горлу подкатилась тошнота. Как подхваченная вихрем, она выскочила из палаты.

Заведующий в халате и мужчина в костюме стояли в коридоре и разговаривали.

— Конечно, профессор Григорьев прав, — говорил заведующий, когда Лида налетели на них, не в силах вовремя остановиться.

— Тише, женщина, — строго начал заведующий.

— Я согласна, — выдохнула Лида, перебивая. — Я только страшно боюсь.

Мужчины было хотели снисходительно улыбнуться, но первый раз в жизни не сделали этого.

— Все будет хорошо, — неожиданно для себя проговорил мужчина в костюме. — Это мой метод, и я гарантирую вам успех, иначе я откажусь от профессорского звания и пойду работать простым невропатологом в стационар. Вы верите мне?

Лида опустила голову. Живущий в тепличных условиях человек никогда не поймет, что затравленное существо не имеет веры и не умеет надеяться.

Данилку, успокоенного до бесчувствия уколами, сажали в кресло и обматывали проводами. Денис Илларионович делал это старательно и деловито и это перепугало Лиду, потерянно стоявшую за креслом.

— Вы не боитесь? Ведь мы даже не делали опытов, — вырвалось у врача.

— Не болтайте вздор.

Лида обернулась, а Денис Илларионович прикусил свой язык. От двери к креслу шел профессор Мальцев, не узнаваемый в белом халате.

— Выйдите, женщина, можете подождать в коридоре. Я обещал в присутствии доктора

Вершинина и вы должны мне верить. Идите.

И Лида, словно под гипнозом этого властного человека, вышла, оставив своего ребенка.

Больной, маленький и беззащитный, он вызывал у матери острое чувство жалости. Дойдя до кресел под аркой и сев одно из них, она расплакалась, не имея даже носового платка, чтобы утереться. Все ее имущество в больнице составляло ее платье, кошелек с теми же тридцатью рублями и паспорт с метриками сына, которые она всегда носила с собой в кошельке. Запасные штанишки для сына дала ей соседка по палате, за что она каждый день стирала на них обеих.

Лида плакала беззвучно, как плачут маленькие забитые дети, боящиеся наказания даже за слезы. Она плакала и прислушивалась к тому, что делается за дерматиновой дверью.

Сколько она так сидела, трудно сказать, ее минуты растянулись на годы.

И вот наконец дерматиновая дверь распахнулась. Мальцев в распахнутом халате и в белой, расстегнутой до груди рубашке быстро перешагнул порог, хлопнул за собой дверь и быстрым шагом направился по коридору, при этом шаря в кармане черных отутюженных брюк.

Лида видела, что он остановился возле распахнутого окна и закурил, глядя во двор. Она набралась смелости, вытерла ладонью глаза и

подошла к нему.

— Плохо? — едва выдавила она немеющим от страха языком.

Мальцев посмотрел на нее рассеянным взглядом.

Лида тихо всхлипнула, крепясь изо всех сил.

Профессор смотрел на нее, как на подопытную мышь, наконец достал из кармана платок и протянул брезгливым жестом.

— Вытритесь. Надеюсь, все будет хорошо. Не думаете же вы, что я мечтаю перейти на работу в стационар.

С этими словами он оторвался от подоконника и пошел по лестнице, переступил через порог и стал спускаться по ступенькам.

Прижимая к лицу платок, комкая его и снова прижимая к лицу, Лида смотрела ему вслед, потом медленно побрела к своему посту, помедлила перед креслом, в котором сидела и нерешительно повернулась к двери. Та, не запертая и даже не плотно закрытая, приоткрылась. Медленно подойдя к ней, Лида заглянула в щелку. Но ничего не увидев, комкая в руке платок, Лида взялась за ручку и приоткрыла дверь пошире. Ничего. Тогда она приоткрыла ее еще шире и просунула внутрь голову. Сердце ее стучало гулко и ток крови отдавался в ушах.

В комнате никого не было: ни врачей за

приборами, ни ребенка. Ток крови приглушал все звуки. Лида, как помешанная, забыв страх, вошла в комнату и, как слепая, склонилась над креслом, в которое сама же сажала своего ребенка.

Тук-тук-тук. Ощупывая кресло, она начала дрожать, и дрожа так, выпрямилась и стала озираться. Закрытое окно, две двери напротив друг друга, закрытые, и распахнутая дверь в коридор. Лида бросилась к одной двери, дернула ручку, потом бросилась к другой, и в это время первая дверь открылась.

— Денис... Кто стучал?

Прыжком повернувшись и оттолкнув женщину в халате, Лида увидела распростертое на кушетке крохотное тельце с присоединенными к рукам и шее проводникам, склонившуюся над ним медсестру со шприцем и задохнулась. Перед глазами ее замелькали круги, комната перевернулась, ярко вспыхнул свет и все погасло перед ней.

Тихо говорило радио. Лида открыла глаза, беспокойно озираясь вокруг и приподнимаясь.

— Лежи, лежи, дочка, тебе нужно отдохнуть.

Полусидя, Лида оглянулась. Возле шкафа с лекарствами стояла медсестра и перебирала бутылочки и коробочки.

— Где мой ребенок? — почти выкрикнула

Лида, чувствуя, как сердце опять забивается в груди.

— Все хорошо, милая, он сейчас спит. На вот, выпей, это валерьянка.

— Где он?

— Увидишь. Выпей и ляг.

— Где он?

— В палате. Пей.

Выпив тремя глотками остро пахнувшую горькую жидкость из алюминиевой кружки, Лида села и стала подниматься. В ушах, почему-то звенело, но Лида, не обращая на это внимание, встала на ноги и сделала шаг. У нее слегка закружилась голова, и она покачнулась. Медсестра хотела помочь ей, но она уже справилась и быстро вышла за дверь.

Идя по коридору, она окончательно пришла в себя и очень быстро, почти бегом, свернула к палатам. 1... 3... 5. Вот она. Лида дернула дверь и замерла на пороге.

Ее сын мирно спал на кровати. Кровать рядом, застеленная одеялом, пустовала с забытой косматой собачкой, какие шьют в Китае, а на стуле, за столом сидела и читала маленькую яркую книжку молодая медсестра. Данилка спал и не шевелился, вытянувшись на спине, и лицо его, бледное, как всегда, было спокойно и расслабленно, а руки за головой сжаты в кулаки.

И тут Лида поняла, что ей не важно, вылечат его или нет, лишь бы он жил и не бросал ее в этом мире одну одинешеньку.

Она бросилась к нему. Под ногой хрустнула забытая машинка. Не обратив на это внимания, Лида упала на колени перед кроватью и принялась целовать руки своего ребенка. Слезы лились из ее глаз, она почти ничего не видела, да и что ей было смотреть, если она всем своим существом чувствовала живое тепло своего ребенка.

— Не надо так делать. Оставьте его, — вскочила с места молоденькая медсестра. — Выйдите тогда, если не умеете быть спокойной.

— Оставьте ее.

Та медсестра, в возрасте, что поила Лиду валерьянкой, следом за ней переступила порог.

— До чего же она себя извела. Все молодость, молодость, все за красотой гоняются, похудеть хотят, вот и получила анемию второй степени. Теперь, чуть что и в обморок будет падать.

— Да она же разбудит его, а это нельзя.

— Оставьте их.

— Что же мне делать?

— Сидеть и смотреть.

— Разрешите.

Старшая медсестра посторонилась. Женщина с ребенком на руках, вошла в палату, опустила его на пол, и мальчик подбежав к своей кровати,

схватил собачку, прижал к груди и сел на постель с ногами. Мать его, подойдя, присела рядом.

— Ну что, помогло сколько-нибудь? — спросила она заинтересованно.

— Не известно. Мамашу саму хоть лечи. Свалилась в обморок. Истощение. Довела себя всякими диетами.

— Она просто голодная. У нее муж — алкоголик и безработный. Живет на пенсию по инвалидности ребенка, и ту муж отнимает.

— А. А как же она живет так?

— Ушла бы давно, — встала молодая медсестра, беря и снова откладывая книгу.

— Не куда. Она не москвичка.

А Лида, не слыша ничего, плакала над постелью своего сына. Тот спал час, спал два, весь день, ночь, утро.

К его постели поднесли капельницу и перепугали этим Лиду до крайности. Она сидела на стуле, следила, как велела медсестра, за раствором, и сердце ее замирало от страха потерять ребенка. Она знала уже, что такое капельница, она видела катетер, торчавший из тельца ее едва родившегося сына, и сердце ее сжималось все сильнее и сильнее с каждым разом. Она не привыкла, она боялась все больше и больше.

— Лида, — позвала ее из коридора сестра — хозяйка и поманила пальцем. — Тебя Лида зовут?

Выйди на минутку.

Лида взглянула на бутылочку с физраствором, быстро поднялась и вышла в коридор.

— Ты не хочешь поработать у нас с месяц санитаркой? Работа не тяжелая, деньги все-таки, и при сыне будешь. Соглашайся.

Лида обернулась на палату и снова посмотрела на нее.

— У тебя есть трудовая книжка?

— Дома.

— Да ладно, мы не будем оформлять тебя, а деньги я лично тебе буду выдавать. Не обману, не бойся. Тебя оставили следить?

Лида кивнула.

— Когда капельницу снимут, зайди в мой кабинет? Хорошо?

Лида снова кивнула и вернулась к ребенку.

В тот же день она мыла полы, вытирала пыль, чистила раковины и, зайдя в свою палату с тряпкой и банкой порошка, увидела, что Данилка, сидя на полу, катает маленькую легковую машинку.

— Не так, Даник, — говорил ему маленький сосед по палате, присев на корточки напротив. — Так можешь поломать. Это же Китай, нет никакого качества.

Данилка катал и катал на месте машинку и вдруг пусти ее по полу. Та проехала через всю палату и скрылась под койкой.

— Трах-тарарах! — вскричал сосед. — Авария.

И он полез под койку за игрушкой, а Данилка поднял голову, встретился взглядом с матерью и радостно и немножко неуверенно рассмеялся.

Хотя Лиду уверяли, что до полного выздоровления далеко и неизвестно, догонит ли он сверстников, она была счастлива. Данилка научился радоваться, бежал ей навстречу, обнимал и даже пытался целовать слюнявым ртом. Он играл машинками, солдатиками, смотрел картинки в книжках вместе со своим соседом. И она знала, что однажды он заговорит.

Но мальчик молчал. Молчал два месяца, пока они находились в институте, молчал месяц, пока проходил реабилитацию в стационаре экспериментальной группы клинического сектора.

И вот его выписали домой.

Глава 5

— Принеси мне ту большую новую сковородку, сынок.

Данилка кивнул и побежал к большому кухонному шкафу.

Лида продолжала чистить овощи, иногда бросая на сына любящие взгляды. Она еще не привыкла к его сознательным действиям и

принимала его помощь как какое-то чудо.

— Спасибо, мое солнышко.

Данилка торопливо сунул матери сковородку и бегом бросился к коридору, где ждал его новый красный самосвал с желтым кузовом — подарок бабушки и дедушки по отцовской линии. Они просто онемели, когда Лида привела к ним Данилку. Бабушка даже прослезилась и побежала в церковь.

На следующий же день после этого у Данилки появился огромный грузовик с кузовом, полным игрушек.

Павел, ее муж, тоже притих, не пил, устроился на работу — жизнь потихоньку налаживалась. Лида написала обо всем этом своим родителям, правда ответа еще не получила. Она немного поправилась, стала более женственной и уже со счастливой улыбкой поглядывала на фотографию на столе.

Маленькая девочка с периферии дождалась, наконец, своего счастья.

— Дууу, — гудел Данилка, упорно отказывающийся говорить. Он грузил на самосвал все, что попадалось под руки и вез в дальний угол. — Дууу.

Под этот гул Лида задумалась, вся ушла в свои тихие спокойные мысли, чисто механическим движением продолжая чистить овощи.

— Дуу.

Скоро Данилка пойдет в садик, она найдет себе работу, хоть какую, лишь бы деньги платили вовремя, и тогда они окончательно встанут на ноги, купят кое-что из мебели. И еще им нужна зимняя одежда. Всем троим.

Данилка терся вокруг нее, заходя то с одного бока, то с другого, а Лида так ушла в себя, что не замечала этого, пока не сделала над собой усилие.

Мальчик держался одной рукой за ее обнаженный локоть, а другой показывал ей коробочку из-под сахара — рафинада с приоткрытой крышкой. Оттуда выглядывал одноразовый шприц, так знакомый ребенку и еще кое-что.

Это что-то испугало Лиду с первого взгляда, хотя бы потому, что шприц — это уколы, а уколы — это болезнь.

— Где ты это взял, сынок? — сдерживая ужас, спросила она.

Мальчик потащил ее к двери, упорно напрягая силу. Лида встала, едва сдерживая руку ребенка и пошла за ним. Данилка, видя это, вырвался, побежал к трюмо, стоявшему в прихожей и открыл выдвижной ящик.

Странно. Лекарства у них хранились в комнате, в тумбочке под телевизором. Лида осмотрела этот ящик, следующий, но больше ничего не нашла, кроме гуталина и двух щеток.

Тут в замок входной двери вставили ключ. Лида не услышала звука открывающегося замка и обернулась только тогда, когда дверь раскрылась и вошел Павел. Высокий и красивый, не смотря на годы запойного пьянства, он очень нравился женщинам. Правда за последние месяцы он сильно похудел, но Лида знала, что он, став челноком, вынужден много ездить и поэтому не сильно беспокоилась. Дела у Павла шли хорошо, и он начал прилично зарабатывать.

Лида медленно вставала на ноги, когда он входил, такой сильный и порывистый, рывком захлопывал за собой дверь и сбрасывал туфли.

— Здравствуй, — растерянно вымолвила Лида и тут же спохватилась. — Как хорошо, что ты рано пришел. Обед скоро будет готов. Как ты относишься к картофельному соусу с мясом? Твоя мама сегодня принесла нам с полкило грудинки и сетку картошки.

— С дачи?

— Да. Наклонись, мы с Данилой тебя поцелуем.

— Привет, Дан.

Мальчик не шевелился, глядя на отца из-под лобья.

— Поцелуй папу, сынок, мы так рады, что он пришел. Ты насовсем?

— Сегодня — да. Завтра поеду за товаром.

Тут из сжатой руки Лиды выпал шприц и покатился по линолеуму.

— Что это у тебя?

Лида совсем забыла о коробочке, которую сжимала, почему-то покраснела и стала наклоняться, но Павел быстро согнулся и сам поднял шприц, внимательно рассматривая его.

— Это Данилка нашел в ящике трюмо. Может быть мама забыла там? На, посмотри.

Павел порывисто подался к жене и грубо вырвал коробочку, при этом при этом грубо отталкивая женщину с дороги и бросаясь на кухню, к свету.

— Дура, зачем ты влезла не в свое дело! — рывкнул он, перевернув по дороге табуретку и кастрюлю с водой.

Встав посередине кухни, он трясущимися руками открыл коробочку.

— Дура, если бы с ней что-то случилось, я бы убил тебя.

Лида стояла дрожащая, испуганная. Она уже знала, уже догадалась шестым чувством, что в коробочке за лекарство и для чего там торчал одноразовый уже использованный шприц.

— Боже мой, — пробормотала она потерянно, и счастье ее лопнуло, как мыльный пузырь. — Паша!

Ее муж, весь трясась от непонятного ей

чувства, поднял голову. Дикая ярость хлестала из ее глаз. Перепугавшись, Лида бросилась в комнату, ища при этом взглядом ребенка. Данилка в это время стоял, сжавшись, между стеной и трюмо. Он зажал голову руками, видя, что отец бросился к нему. Но тот не видел его. Он пробежал мимо в комнату, где скрылась мать, по дороге наступив на огромный детский грузовик. Машинка перед тем, как треснуть, поехала, Павел упал, тут же схватил яркие пластмассовые останки и с такой яростью швырнул их в стену, что они разлетелись и посыпались, сдирая за собой обои.

Лучшая, чуть ли не единственная игрушка разбилась, жалкие, яркие, и от того жалкие вдвойне, останки осыпали пол, а мама, крича, бегала по комнате, скрытая от ребенка стеной. Отец, прихрамывая и круша все, шагнул за ней. Сердце Данилки билось так часто, что даже в руках стучали молоточки.

Мать взвизгнула, закричала. Данилка едва не терял сознание, видя все в каком-то диком ярком свете. Не чувствуя ног, он шагнул к порогу комнаты. Тут что-то загремело. Страшно закричал отец, ругаясь и рыча, а мать выскочила навстречу ребенку, едва не налетела на него, схватила на руки и бросилась к входной двери.

Данилка не прижался к ней, нет, наоборот, он отталкивался глядя через ее плечо, и видя все в том

же диком ярком свете, в котором все предметы резали глаза четкостью своих очертаний. В этом свете, ярком до слез появился отец, помятый и взъерошенный. В руке у него была тонкая длинная ваза бабушкиной молодости, подаренная молодым за ненадобностью. Он поднял ее, размахнулся и пылающие яростью глаза его встретились с широко раскрытыми глазами сына.

Тут Лида справилась наконец с замком и выскочила на лестничную площадку. Бегом, через ступеньки, бросилась она вниз, практически ничего не видя из-за головы своего сына, который теперь прижимался к ней, что есть силы, обхватив шею руками и едва не душа ее.

Выскочив из подъезда, Лида пробежала немного и остановилась, тяжело дыша, и оглядываясь. Никто не преследовал ее. Черная дыра подъезда оставалась по-прежнему черна. Вот в ней показалась более светлая фигура. Лида напряглась, попятилась, но не побежала прочь. Фигура ступила на последнюю площадку. Лида по привычке прижала сына крепче к себе и тут же расслабилась. Соседка, Анна Тимофеевна, вышла под козырек, близоруко прищурилась на яркое солнце, осмотрелась и пошла к женщине с ребенком.

— Что, разбушевался Фантомас? — спросила она, подойдя к Лиде и оглядываясь через плечо.

— Вы не видели, он не выходил из

квартиры? — вместо ответа, спросила та.

— Дверь была открыта, это точно, а в квартире я никого не видела.

Лида перевела дух и снова стала смотреть на окна подъезда.

— Что это он, опять за старое? А ты еще хвасталась, что бросил пить.

У Лиды задрожали губы.

— Ребенка поди напугал. Глядишь, в больницу опять попадете.

У Лиды полились слезы. Чтобы скрыть их, она наклонилась, ставя сына рядом с собой.

— Даничка, золотко мое.

Мальчик стоял, как помертвельный, глухой и слепой ко всему вокруг.

— Сердечко мое больное.

Больше Лида выговорить не могла, присела на корточки возле своего мальчика, обхватила его и зарыдала, не понимая, что этим пугает ребенка еще больше.

Ее стали окружать домохозяйки, пенсионерки и безработные, скупающие бездельницы и те, кто за чужими горестями забывали свои.

— А квартира-то так и открыта, — сообщила очередная домохозяйка.

— Упился наверное уже так, что и забыл закрыть.

— ... украдут. Последнее барахлишко

вытащат.

Лида подняла голову, вытирая слезы ладонью. Она слышала весь разговор и поднялась.

— Ты куда?

— Пойду, посмотрю, что дома.

— С ума сошла?

— Пришибет, как миленькую. Пьяные, они все бешеные. Вот у Клавки сын.

— Подожди-ка. Эй, Сережа!

Мальчик лет тринадцати, бегавший один по детской площадке, послушно подошел.

— Что, баба Кать?

— Сбегай в 71, посмотри, что там.

Мальчик кивнул, отбежал и снова вернулся.

— А что там?

— Не твое дело. Сбегай, посмотри и все.

— Не побьют?

— Никто тебя не побьет. Иди и посмотри.

Если Пашка спросит, скажи, я прислала за теркой. Яблочко, мол, хочу себе потереть.

— Ладно.

Мальчик убежал, шутливо петляя по тротуару и насвистывая.

Вернулся он быстро. Лида к тому времени уже успокоилась и только тревожно вглядывалась в подъезд, прижимая к себе равнодушного ко всему сына.

— Он упился, — крикнул подросток, подбегая

к взрослым.

— Убился?

— Пьяный в стельку.

Лида удивленно посмотрела на соседок.

— Много в доме поила было? — спросили ее.

— Да не было ни капли.

— Значит с собой принес.

— Нет, ничего он не принес, с пустыми руками пришел.

— Ну, заначка, значит, была. В стиралке смотрела?

— Мой аспид в сливной бачок прятал.

Лида посмотрела на мальчика.

— Что дядя Паша делает? — спросила она неуверенно.

— Валяется.

— Где? — вырвалось у соседки.

— На полу, прямо посередине квартиры.

— Комнаты, ты хочешь сказать?

— Ну да.

— Вот упился.

Лиде не стоялось на месте. Слова о пропаже тех немногих вещей, которые они с мужем имели, задели ее за живое.

— Идешь, что ли, — спросила ее Анна Тимофеевна. — С тобой, что ли подняться, а?

Лида кивнула робко и благодарно и привычно уже подняла ребенка на руки.

До подъезда дошли всей толпой, и даже Сережа крутился тут же. Дальше, на этаж, поднимались втроем: соседка и Лида с сыном на руках.

— Ты бы оставила сына на улице.

— Нет. Он испугается.

Данилка же не дрожал, но и не интересовался окружающим.

Лида остановилась перед своей дверью, широко и одиноко распахнутой.

— Давай, я первая войду. Если что, убежать-то успеешь?

Лида кивнула.

— А вы как?

— Меня он не тронет. Это мы только с женами храбрые.

И с этими словами соседка переступила порог.

Лида просто физически чувствовала, как из квартиры тянет холодом, интуитивно отступила, соседка же скрылась за поворотом коридора.

— Паша, а Паша, Паша, — раздался ее мерный голос. — Паша. Лида!

С неожиданной смелостью Лида переступила порог.

Соседка, склонившись над лежащим ничком мужчиной, щупала ему запястье.

— Плохо ему что ли? Лид? Вроде и пульса нет. Ну-ка, помоги перевернуть.

Неуверенно опустив сына, Лида подошла к мужу.

— Давай-ка вместе перевернем. Держи за руку. Тяни. Вот так. Где у него сердце-то? У тебя нашатырь есть?

Лида с ужасом смотрела на вытянутое тело мужа с сильно перекрещенными ногами.

— Если «Скорую» сейчас вызвать, в вытрезвитель отвезут. Да и не приедут они. Давай-ка воду.

Лида не двигалась, стоя на коленях перед мужем.

— Да не плач ты. Дерьмо не тонет, а все по верху плавает. Оживет.

И соседка, вздыхая, с трудом поднялась на ноги и пошла на кухню. А когда вернулась с ковшом воды, то увидела молодую женщину, рыдающую на широкой, выпуклой даже в таком положении груди мужа, затянутой в футболку, увидела бледность его кожи и синеву век.

— Господи. Никак умер, — прошептала она, левой рукой прижимая к животу ковш, а правой крестясь.

Данил стоял в стороне и не моргая, смотрел на все своими широко открытыми круглыми глазами. Он не шевелился, не двигался, хотя взрослые вокруг стали суетиться.

Маму все еще рыдающую, подняли, усадили

на диван, потом комната заполнилась совершенно чужими людьми. Они ходили, смотрели, несколько раз вспыхнул свет. Потом все ушли и унесли на носилках труп. А Лида все плакала. Соседки хлопотали над ней, потом разошлись по квартирам, махнув на все рукой, ушли обсуждать по своим квартирам, в кругу семьи, такую новость.

А Лида плакала, не в силах поверить в смерть того, кого боялась до дрожи, и, не смотря ни на что, любила так же сильно. Любила так, что терпела побои и издевательства, прощала и продолжала любить.

Лида никого ничего не видела. Она горько плакала и не почувствовала, как к ней подошел Данилка. Сначала он робко тронул ее колено, потом прижался к согнутой в локте руке, стараясь оторвать ее от лица.

— Мама, мама.

Лида подняла голову, еще ничего не понимая.

— Я убил папу.

Глава 6

— Я убил папу, — повторил Данилка упрямо, глядя на мать круглыми все еще испуганными глазами, и та, еще не поняв смысла, поняла, что ее сын заговорил.

Она даже перестала плакать и слезы в ее

глазах высохли от удивления.

— Господи, Данила, ты говоришь!

Мальчик не сводил с нее глаз, словно ждал чего-то, но Лида не видела этого.

— Ты говоришь, солнышко.

Она притянула его к себе, но ребенок с силой оттолкнулся руками от ее груди.

— Я убил папу, — настойчиво повторил он.

— Да-да, ничего. Ты заговорил. Сыночек, золотко.

Теперь уже мальчик не противился, сам обхватил ее шею обеими руками, тесно прижимаясь к матери. Та снова заплакала, обнимая и целуя все, до чего могла достать: уши, волосы, шею. А мальчик прижимался все теснее и теснее, и мать не видела и не знала, что губы его прыгают и плотнее сжимаются, а из зажмуренных глаз капаят слезы.

Она не знала и не видела многого до похорон. Но на четвертую ночь крик сына разбудил ее. Мальчик съежился под простыней в клубочек, прижимая к груди подушку, словно пытаясь защититься от чего-то страшного и кричал, а из закрытых глаз его лились слезы.

— Даничка, Данилочка, сыночек, — не зная, что делать, Лида села на постели и схватила сына на руки.

Свет от фонаря падал через закрытое окно прямо на постель, освещая несчастное,

напряженное лицо мальчика.

— Что ты, родненький, что?

— Там папа, он бьет меня! — все еще во власти сна мальчик судорожно прижался к матери, немного расслабился, ощупал ее и снова прижался еще теснее.

Испуганная Лида стала тихонько качать его, прижимая к груди. Данилка больше не шевелился, расслабленные руки его медленно съехали с материнских плеч.

Положив ребенка на пеленку и одев легким одеяльцем, Лида легла рядом, укачивая его, поглаживая ручку, пока сон сморил и ее.

— Мама! Папа! Не бей! Больно!

Данилка кричал, срываясь на визг, и разом открывавшая глаза Лида увидела его, сидящим на постели возле ее колена и обеими руками закрывающим голову.

— Сыночек, золотко, миленький мой.

— Не бей! Больно!

Ребенок плакал, вырывался, потом затих, обнимая мать.

— Спи, моя кроха, спи, кровинушка.

Но мальчик уже проснулся. Он заворочался в ее объятиях, усаживаясь.

— Тебе что приснилось?

Он молчал, сосредоточенно сопя и отворачиваясь к стене.

— Ложись, родненький.

Мальчик сопротивлялся, напрягая спину.

— Хочешь, расскажу тебе сказку?

Мальчик расслабился, доверчиво оперся о руку матери, но от стены так и не отвернулся.

— Было у царя три сына...

В эту ночь они так и не заснули: сын и мать. Сказку Данилка дослушал уже лежа, но потом попросился пописать, а встав, попросился попить, попив, захотел поесть. Лида, привыкшая не спать по ночам, легко переносила вынужденную бессонницу.

Вскипятив чай, она села с ребенком за стол, немножко порисовала, потом они покатали на двух оставшихся маленьких грузовичках солдатиков, послушали радио, потом снова немножко поели. Заснули оба уже утром, когда у соседей захлопали двери.

Во сне Данилка плакал тихо и горько, словно маленький потерявшийся щенок, и Лида в полусне обняла его, чувствуя, как из-под ребенка вытекает на пеленку лужица.

После обеда, проснувшись и накормив ребенка, все постирав и развесив, Лида решила пойти с ним к врачу, потому что ее напугали ночные кошмары ребенка, его плач во сне и усталый замкнутый вид днем.

В детской поликлинике Лида заняла очередь.

Она так и осталась последней, потому что все, кто приходил после нее, с уверенным видом входили к врачу, даже не глядя на сидевшую в кресле у стены женщину. Все это были хорошо одетые дамы, оставляющие за собой шлейф из запаха дорогих духов, долго остающиеся в непроветриваемом помещении. За собой они вели холеных пухлых детишек и мужей из породы хорошо обеспеченных. Очередь, хоть и медленно, но рассасывалась. Лида со своим ребенком долго оставалась одна, и терпеливо ждала, когда выйдет очередная такая дама.

Вот та, в сопровождении маленькой дочки и толстого лысого мужа выплыла, долго говоря через порог и наконец пошла по коридору, стуча высокими лакированными каблуками. Лида встала, увлекая за собой притихшего сына. Но врач сам появился на пороге, держа в руке сигарету с фильтром и разминая ее.

— Вы ко мне? А это ты. Что-то случилось? Подожди, пока покурю. А то пойдем, посидим на скамейке, там все и расскажешь.

Лида кивнула, помогла слезть с сидения своему сыну и покорно пошла за врачом, ведя ребенка за руку.

В маленьком больничном скверике они сели на скамейку. Мужчина торопливо закурил и бросил подальше от себя обгорелую спичку.

— Ну, выкладывай, что у вас за проблемы.

— Данила начал кричать во сне.

— Опять отец избил?

— Нет. Наш папа умер.

— Когда?

— Пятый день сегодня.

— Да. А у меня на той недели жена ушла. Ну ладно, это я так, к слову. Данил Батькович, а Данил Батькович, давай-ка, парень, сгоняй вон до того угла, видишь, там буфет есть. Посмотри, он закрытый уже, или нет. Ладно?

Данилка молча кивнул, медленно слез с лавки и пошел в указанном направлении. Пройдя немного, он начал убыстрять шаг, потом побежал.

— Значит умер. Естественно, смерть отца — большая травма для психики. Он просто кричит, или произносит какие-то слова?

— Он говорит: «папа, не бей».

— Он был сильно напуган отцом?

Лида молча кивнула.

— Умер он случайно не при ребенке?

— Почти что. Мы ушли на улицу, а вернулись — папа лежит мертвый.

— Что же с ним, если не секрет?

— Сказали, что — кровоизлияние в мозг.

Врач кивнул, стряхивая с сигареты пепел в сторону от себя.

— Да.

— Знаете, в тот день, когда умер Паша, Данил первый раз заговорил.

— И что же он сказал?

— «Я убил папу». Это плохо?

Врач пожал плечами.

— Видишь ли, ребенок, хоть и маленький, а тоже человек. Жестокий отец вызывал в нем ненависть и любовь вместе. Ребенок испытывал перед ним страх и желал ему смерти. Желание это ушло в подсознание, и смерть отца он воспринял, как его исполнение. Значит теперь отец должен отомстить ему. И он мстит — ночными кошмарами.

— Это плохо?

— Я выпишу успокоительное. Попьете недельку, а потом я проведу с ним психотерапевтический сеанс. Я ведь еще прошел курс психотерапевта, правда практикую редко.

— Это поможет?

— Стопроцентной гарантии нет, но когда вытесненное выходит из подсознания, снимается...
Здравствуйте, Вероника Павловна. Как жизнь?

Проходившая мимо очень толстая женщина в халате кивнула, даже не остановившись, лишь небрежно бросила:

— Ничего, живем. Как сам?

— Пойдет.

И она удалилась, как перекормленная гусыня.

А врач бросил выкуренный почти до фильтра

окурок в урну и поднялся.

— Пойдем, я выпишу рецепт.

Лида встала. Данилка, давно уже вернувшийся, пытался оседлать пенек.

— Идем, Даничка.

Мальчик подбежал к матери и послушно взял ее за руку. Врач наблюдал за ним, стоя вполоборота. Случай этого мальчика, как он знал, стал иллюстрацией к докторской диссертации его однокурсника. А сам он так и оставался простым врачом невропатологом в детской поликлинике, имеющим часы в подростковом центре.

Он в сердцах повернулся и медленно пошел через вестибюль, и Лиде с сыном пришлось очень постараться, чтобы не обогнать его.

И тут откуда-то из-под лестнице под ноги ему выскочила большая толстая крыса. Она вильнула между туфлями и, волоча хвост, бросилась в сторону. Врач от неожиданности повернулся, следя за ней, а Лида молча шарахнулась к стене. Вскрикнула одна женщина, завизжала другая.

Данилка, сжимающий руку матери и напряженно прижимающийся к ней, постепенно расслабился, продолжая наблюдать за мечущейся крысой. Первый страх у той прошел, и она замедлила бег, агрессивно скаля зубы. Потом она остановилась, подняла морду и зашевелила усами, принюхиваясь. При виде этого женщины снова

завизжали. Лида сильнее прижалась к стене, а единственный мужчина среди них продолжал наблюдать.

Данилка настойчиво вывернул руку из материнской руки и согнулся, наклоняясь к животному поближе. Крыса была шагах в трех от него. Ее маленькие глазки — бусинки светились злобой, блестящий нос дергался и шевелился. Она даже слегка приподнялась на задних лапках. Данилка присел на корточках и посмотрел ей в глаза.

— Вот она, бей! — крикнул нервный и пронзительный женский голос.

Крыса подпрыгнула вверх и вбок и повалилась на пол, переворачиваясь через спину. Лапки ее забились в воздухе, хвост изогнулся и вытянулся.

— Сдохла, что ли?

Женщина с сомнением топталась на месте. Мужчина в костюме рабочего вышел вперед и пнул обмякшее тельце.

— Сдохла, — немного разочарованно протянул он, опираясь на швабру. — Чего это она?

— Отравилась, может?

— Нет, это у нее сердечная недостаточность.

— Общий инфаркт миокарды.

— Да их травили, намедни, в «Наяде», через дорогу.

Невропатолог подошел к Данилке.

— Это ты ее убил? — заговорщицким шепотом спросил он.

Мальчик, продолжая сидеть на корточках, поднял вверх голову, от чего его большие круглые глаза стали казаться его круглее. Посмотрев внимательно на взрослого человека, склонившегося к нему с таким пониманием, мальчик выдавил из себя:

— Да.

— Пойдем, поговорим.

Данилка медленно поднялся и протянул ему руку.

— Пойдем, Лида, — мельком оглянувшись врач на мать и первым, за руку с ребенком, стал подниматься по лестнице.

— Садись, Данила, поговорим.

Первый раз мальчик сел сам, один, на стул в кабинете врача, даже не взглянув на молоденькую медсестру, сидевшую напротив и что-то писавшую.

— А ты, Надя, иди домой, твой рабочий день закончен.

— Спасибо, Игорь Николаевич, до свидания, — медсестра стала торопливо убирать со стола бумаги.

— До свидания. Напугался крысу, Данил?

Мальчик кивнул.

— Ну, мы же с тобой мужчины. Вот мама

сильно напугалась.

Мальчик оглянулся на мать, присевшую на кушетке, а в это время медсестра встала и прошла к вешалке, расстегивая на ходу халат. Она спешила домой и вскоре уже скрылась за дверью, только слегка прикрыв ее за собой.

— Ты знаешь, что случилось с крысой? Ну-ка, скажи мне?

Данил посмотрел на свои ноги, на стену позади врача и вздохнул.

— Что же с ней случилось?

— Она умерла. Как папа.

— А почему она умерла? Ты мне сказал, что ты убил ее? Правильно?

Мальчик кивнул медленно и задумчиво.

А как ты ее убил? Стукнул ее палкой?

— Нет.

— Бросил в нее камень?

— Нет.

— А как же? Скажи мне?

— Я посмотрел на нее.

Врач откинулся назад на стуле.

— Данил, тебе уже целых 4 года. Ты знаешь, что в 4 года мальчики уже считаются взрослыми? Ты все знаешь, все понимаешь. Ведь так? Ты знаешь, что мы, врачи, знаем все про людей и зверей? И даже про крыс. Мы знаем, от чего они болеют, знаем, как их лечить и даже знаем, от чего

они умирают. Ты веришь мне?

Данилка кивнул, глядя врачу прямо в глаза.

— Данил, ты знаешь, что такое телефон? По нему можно разговаривать с человеком, который находится далеко от меня. Так вот, я позвоню самому главному врачу и попрошу его осмотреть мертвую крысу и сказать, от чего она умерла. Ты ведь поверишь ему?

Мальчик кивнул, опуская голову.

— Смотри, Данил, я звоню, видишь?

Игорь Николаевич снял трубку и стал крутить диск.

— Алло? Это самый главный врач? Вы осмотрели уже ту крысу, которая умерла сейчас в холле? Сделали ей вскрытие? И что же?

Игорь Николаевич сделал паузу, с выражением глядя на мальчика. Лида, понимая, что он делает это нарочно и для чего-то очень важного, слушала внимательно и напряженно, глядя то на врача, то на сына.

— Ага, отравилась? Мышьяком? Спасибо, все понятно.

Игорь Николаевич положил трубку на рычаг.

— Вот видишь, Данил, я спросил самого главного врача, от чего умерла крыса. Он взял у нее анализы и сказал, что она умерла от яда. Она отравилась, когда съела мышьяк, понимаешь? Ей было больно, у нее заболел живот. Поэтому она и

побежала к врачам, в больницу. Они же прячутся в подвалах, эти крысы, они живут в подвалах. А когда она съела мышьяк, она выбежала из своего домика и побежала наверх, в больницу. Тут мы ее и увидели. Мы же не знали, что она уже отравилась, правда, Данил?

Мальчик молчал.

— А ты знаешь, от чего умер твой папа?

Данилка продолжал молчать.

— Давай, спросим твою маму, ей уже сказали врачи, от чего умер папа. А, мама?

— Сказали, — ответила Лида.

— И что же сказал самый главный врач? Он умер от сердечного приступа, правда?

— Врачи сказали, что у него было кровоизлияние в мозг.

— Вот видишь, Данил. Врачи всегда исследуют причину смерти. Твой папа много пил и от этого у него часто болела голова. А когда часто болит голова, сердце не выдерживает и останавливается и человек умирает. Твой папа даже не хотел лечиться. Он не ходил к врачам, много пил и поэтому умер. Так сказал самый главный врач. Правда, мама?

Лида кивнула, не задумываясь, потому что это была самая чистая правда.

— Видишь, Данил, крыса умерла, потому что съела то, чего есть нельзя и отравилась, твой папа

умер, потому что заболел и не лечился. Ты не виноват ни в чьей смерти, понимаешь это?

Мальчик слушал внимательно, то опуская глаза вниз, то глядя на врача.

— Скажи, Данил, ты понял теперь, почему умер твой папа?

— Да.

— Значит, ты больше не считаешь себя виноватым в его смерти?

— Нет.

— Вот и хорошо. Ты очень умный мальчик. Ух ты, время уже шестой час. Мы, наверное, остались одни в больнице. Ну и заработался я сегодня.

— Извините, — торопливо поднялась со своего места Лида. Она поднялась со своего места и обняла за плечи сына. — Мы вам так обязаны.

Игорь Николаевич усмехнулся. Он пристально посмотрел на молодую женщину, и в глазах его появилось оценивающее выражение.

— Ты со мной сочтешься, если поужинаем вместе.

Лида опешила. Каждая женщина, и даже самая простодушная, знает, когда она нравится мужчине. От Игоря Николаевича же она чувствовала только презрение и высокомерие. Простое приглашение он выдавливал из себя, как одолжение, оставаясь при этом самим собой:

надменным неудачником, чья самооценка неоправданно завышена. Само его присутствие подавляло. И поэтому Лида замялась, растерянно глядя то на Игоря Николаевича, то на сына.

— Пойдем, по дороге поговорим.

Врач поднялся и стал снимать с себя халат. Пройдя к вешалке, он повесил его на крючок и взамен снял пиджак, просовывая руки в рукава.

Лида ничего не ответила и только покорно взяла с кушетки свой кошелек и носовой платок, протягивая свободную руку сыну. Игорь Николаевич неожиданно взял мальчика за другую руку и, не застегиваясь, с расслабленным галстуком, он первым вышел в дверь и остановился, чтобы запереть кабинет.

На улицу они вышли все так же за руки, и Игорь Николаевич в расстегнутом пиджаке выглядел, словно на высоком приеме. Лида же двигалась и держала себя так, что было ясно, надень на нее дорогое платье — все равно останется приبلудной дворняжкой. Вообще, это была самая не подходящая пара на свете.

И все же они шла вместе, и Игорь Николаевич в уме прикидывал, куда их повести: ресторан — было бы слишком дорого и смешно, кафе — довольно подходяще, тем более, что не так далеко в буфете работала родная сестра его жены, уехавшей с любовником — журналистом в Прагу.

Игорь Николаевич свернул туда.

Сестры были похожи, как небо и земля. Инна, бывшая жена Игоря Николаевича, красавица и умница с налетом аристократизма и ее родная сестра — настоящая русская баба, похожая на Мордюкову. Она, увидев бывшего свояка, засуетилась и из-за того, что в буфете было полно народа, отвела их в рабочее помещение, где стоял такой же стол и стулья, как в зале. Сметя с поверхности крошки, она принесла пирожные, кофе, лимонад и тарелку с бутербродами. Расставляя все это, она не уставала разглядывать Лиду и в конце криво усмехнулась и ушла с вызовом покачивая широкими бедрами.

Игорь Николаевич все это время не переставал устало и цинично усмехаться. В конце концов, все здесь было ниже его достоинства, но как раз по средствам.

Угощая Лиду и ее сына, он больше интересовался ребенком и изучал его с профессиональным интересом. Ему удалось разговорить мальчика, и тот стал отвечать на вопросы длинными фразами, даже пару раз сам проявил любопытство, может быть впервые в жизни задавая чисто детские вопросы с самым доверчивым видом.

Лида ела вкусные бисквитные пирожные, не замечая в них маргарина вместо масла, и счастливо

слушала лепет сына. Она уже привыкла не задумываться над происходящим, а плыть по течению. Пирожные были сладкие и сытные, кофе — вкусный, сын — счастливый, значит все в этом мире шло хорошо и правильно. Она расслабилась, слушая голос сына, как лучшую музыку. И когда пришло время уходить, встала из-за стола с видимой неохотой. Ела она аккуратно, и губы ее, только слегка протертые платком, были чистые. Игорь Николаевич одобрительно усмехнулся, глядя на нее. Данилку же было не просто оттереть, но Лида справилась с этим, делая все быстро, весело, отвлекая ребенка шутками. Буфетчица выпустила их через рабочий выход, пожелав вслед всего хорошего, и они пошли неторопливо петляя по закоулкам, тесным дворам и новостройкам.

Игорь Николаевич все давал Данилке приятные детские поручения: сбегать до угла, подтянуться и полазить по «радуге», попрыгать на классиках, и мальчик делал все с удовольствием и даже подпрыгивая от нетерпения. Возле детсадовского забора, зажатого недостроенными двумя домами и свежерытым котлованом, Игорь Николаевич придумал для мальчика игру: держась за вертикальные металлические прутья забора, передвигаться по горизонтальной перекладине, и мальчик старательно делал это, то и дело оглядываясь на взрослых.